

In memoriam

Светлой памяти Вадима Юрьевича Климова

Апрель в Петербурге начался как настоящий весенний месяц. Уже никакой капели и ручейков — весь снег успел растаять еще в марте. Ясная погода и тепло дарили надежду увидеть вскоре первые почки на ветвях деревьев. Мой учитель, Вадим Юрьевич Климов, лежал в больнице, но накануне его перевели из реанимации в обычную палату, что дарило надежду на личную встречу впервые за несколько месяцев. Я должен был приехать вечером третьего апреля. Утром того дня на город внезапно обрушился сильный град, налетел штормовой ветер с дождем, резко похолодало, а к вечеру улицы уже заметало снегом так, словно не было вовсе ни ясных первых дней апреля, ни теплого марта. Я уже хотел было выезжать в больницу, как вдруг телефонный звонок сообщил, что учителя снова перевели в реанимацию и увидеться не получится. Когда я подошел к окну утром четвертого апреля, крыши домов и улицы были покрыты гладким белым одеялом. Вчерашний ветер стих, а небо вернуло себе привычный для петербургской зимы ровный серый цвет. И уже не таким внезапным стал следующий телефонный звонок после обеда, который сообщил, что Вадима Юрьевича не стало. Потянулась череда холодных пасмурных и ветреных дней, наполненных воспоминаниями о моем учителе. Но когда во вторник девятого апреля состоялось прощание и на Серафимовском кладбище Петербурга собралось более сотни родных, друзей и коллег Вадима Юрьевича, в город снова вернулось тепло, а днем, когда звучали добрые слова и воспоминания о нем, небо окончательно разъяснилось.

С Вадимом Юрьевичем Климовым мы впервые повстречались в сентябре 2007 года. Незадолго до того я приехал в Петербург поступать в аспирантуру Института восточных рукописей РАН. Уже шли вступительные экзамены, но главным препятствием было отсутствие научного руководителя, который бы взял меня под свое крыло, — к тому моменту я получил уже три отказа от местных японоведов. Вадим Юрьевич работал тогда на Восточном факультете СПбГУ, но в прошлом был сотрудником Института, поэтому заведующая аспирантурой предложила обратиться к нему. Мы созвонились, и Вадим Юрьевич назначил встречу в перерыве между занятиями на факультете.

В назначенный час я пришел в аудиторию, и Вадим Юрьевич чуть ли не первым делом вынул из портфеля распечатку со статьей на японском языке и предложил мне перевести ее с листа. Много позже Вадим Юрьевич вспоминал, что в тот день начисто забыл о назначенной им встрече и очень растерялся при моем появлении, а потому сунул мне первый попавшийся текст, который он до этого читал со студентами на занятии. Этот экзамен я, казалось, прошел, и мы перешли к обсуждению моих научных интересов. Когда я рассказал о своем увлечении историей ранних российско-японских отношений, о японских морях и школе японского языка в Иркутске XVIII века, Вадим Юрьевич живо откликнулся на это, предавшись воспоминаниям о своих поездках туда и упомянув в числе прочего о надгробном памятнике Григорию Ивановичу Шелехову, на котором вдова купца и спонсора первых экспедиций в Японию не

преминула указать цену (как историк, Вадим Юрьевич очень любил примечать вот такие мелочи, которые бы подсвечивали человеческое в исторических деятелях). Я ввернул, что мой родной город назван в честь этого купца. Оказалось, что Вадим Юрьевич бывал и там. Это, видимо, растопило последний лед, и мы перешли к обсуждению возможной темы будущей диссертации. Позже я узнал, что Вадим Юрьевич работал переводчиком на съемках фильма «Сны о России» в начале 1990-х, а потому объехал почти все места, связанные с историей японцев в России.

Вскоре после моего поступления в аспирантуру Вадим Юрьевич уехал в очередную длительную командировку в Японию, а потому целый год руководил моей работой дистанционно. Но несмотря на многие тысячи километров, разделявшие нас, я постоянно чувствовал его поддержку и участие. Он сканировал и отправлял по электронной почте сотни листов книг и статей по моей теме, недоступных в России; договорился о моей подработке ассистентом японских туристических групп, что помогло пережить трудные аспирантские годы; порекомендовал мой доклад на мою первую научную конференцию «История и культура Японии» в Москве, — все это из Японии. Кстати, участием именно в этой конференции Вадим Юрьевич придавал особое значение – он считал ее главной площадкой для общения японоведов России и сам был ее неизменным участником с самых первых лет, пропустив, пожалуй, лишь пару раз — когда был в Японии в 2009-м и уже в этом году, когда болезнь не позволила ему поехать в Москву, хотя он до последнего на это надеялся, а доклад уже был включен в программу.

Окончание мной аспирантуры совпало с возвращением Вадима Юрьевича на постоянную работу в Институт восточных рукописей РАН, и с этого времени он стал моим старшим коллегой. Но и в новом качестве Вадим Юрьевич оставался для меня учителем, наставником, ценным советчиком и образцом научной работы и профессионализма и не переставал принимать деятельное участие в моей научной судьбе. Именно Вадим Юрьевич порекомендовал меня для участия в совместном проекте с японскими учеными из Университета Хоккайдо по сравнительному изучению рукописей об айнах из коллекции нашего Института и японских собраний. Это подарило мне возможность несколько раз побывать в Японии с исследовательскими поездками, в том числе провести один год в Центре исследований айнов и коренных народов Университета Хоккайдо.

Сам Вадим Юрьевич уже несколько лет к тому времени работал над переводом и введением в научный оборот ценнейших источников по истории торговли японцев и айнов – двух конторских книг, созданных в начале XIX века на Сахалине, а ныне хранящихся в Институте восточных рукописей РАН. Также он много лет курировал крупный проект Историографического института Токийского университета по поиску и каталогизации источников по истории Японии в петербургских архивах – Российском государственном историческом архиве и Российском государственном архиве военно-морского флота. В рамках этих проектов он ежегодно на несколько недель ездил в Японию, где посещал труднодоступные архивы, места, связанные с историей российско-японских отношений, а также мог собирать материалы для дальнейших исследований. Он очень ценил эти поездки, знакомство с японскими учеными, возможность узнавать от них Японию, которая остается недоступной для многих, даже долго живущих там соотечественников. Именно поэтому он как никто осознавал ценность регулярных поездок в изучаемую страну, щедро делился знакомствами и контактами с учениками, и очень переживал, когда начавшаяся в 2020 г. пандемия коронавируса прервала интенсивные рабочие связи и взаимные визиты.

История российско-японских отношений, в которой сошлись наши с учителем научные интересы, была далеко не единственной темой его исследований. Пожалуй, каждый из японоведов знает своего Вадима Юрьевича Климова: для одних он специалист по истории периода Муромати (1336–1573), в частности, крестьянским восстаниям и народным движениям

той эпохи; для других – знаток буддийской школы Истинной веры Чистой Земли (дзёдо-синсю) и письменного наследия ее восьмого патриарха Рэннэ; для третьих – блестящий переводчик и комментатор наставлений средневековых военных и купеческих домов. Первые японские посольства в Россию, история внешних отношений Японии, история японских и российских архивов, российские морские офицеры и их плавания в Японию — все это неполный список тем, которые исследовал и о которых писал Вадим Юрьевич. Кто-то может усмотреть в таком широком разбросе тем ветренность или заподозрить ученого в поверхностности, но это может произойти лишь от незнания личности Вадима Юрьевича и его научной биографии. Все эти разнообразные темы — прямое следствие его активной жизни, вовлеченности во многие проекты, которые, хотя и могли быть изначально чуждыми ему, за годы работы пропускались им через себя и становились неотъемлемой его частью.

Эта широта научных интересов и тем была лишь одним из проявлений его широты в целом – широты души, ума, человеческих и профессиональных связей. Многие знали Вадима Юрьевича не как замечательного историка-японоведа, но как отзывчивого преподавателя – более двадцати лет он отдал работе на кафедре истории стран Дальнего Востока Восточного факультета ЛГУ/СПбГУ: с 1987 г. по совместительству, а в 1999–2010 гг. по основному месту работы. Позже он также вел занятия по японскому языку и истории Японии в Восточном институте, Русской христианской гуманитарной академии, Санкт-Петербургском институте культуры, Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге, Японском центре. Все, кому повезло учиться у Вадима Юрьевича, отзываются о нем как о требовательном, но добром преподавателе, который щедро делился знаниями и опытом, всегда рассказывал много историй из собственной профессиональной жизни. Это неудивительно, ведь и сам он был преданным и благодарным учеником, который через всю жизнь пронес чувство почтения к своим учителям, среди которых чаще всего называл имена Давида Исааковича Гольдберга, Любви Васильевны Зениной, Георгия Яковлевича Смолина, Сергея Ивановича Тюльпанова и, конечно, Михаила Васильевича Воробьева — его научного руководителя в годы аспирантуры.

Вадим Юрьевич не уставал повторять, что настоящему японоведу научную и преподавательскую работу нужно по возможности уравнивать практической работой, чтобы постоянно наблюдать и знать живых современных японцев и не «отрываться от земли», не создавать себе идеализированный образ японской культуры и общества. Отсюда его искренняя привязанность в течение многих лет к работе с японскими туристами в Санкт-Петербурге, к устному переводу. Конечно, эта работа отнимала много сил и времени, и Вадим Юрьевич всегда переживал, что самые активные годы среднего возраста ушли на борьбу за выживание семьи и близких, ведь его становление как японоведа пришлось на годы перестройки и трудной экономической ситуации после распада СССР.

Последние годы после начала пандемии в 2020 г. Вадим Юрьевич тяжело переживал нарушение привычного ритма жизни: ему не хватало встреч с японскими коллегами и поездок в любимую Японию, «живых» занятий со студентами, подвижной работы с японскими туристами на свежем воздухе. В то же время эти годы оказались наиболее плодотворными в его научном творчестве: он подошел к завершению нескольких больших тем – подготовил к изданию комментированные переводы писем патриарха школы дзёдо-синсю Рэннэ, завершил перевод и исследование конторских книг по торговле японцев с айнами, вместе мы выпустили три коллективных монографии по истории айнов и ранних российско-японских отношений.

В эти последние годы мы часто встречались вдвоем в небольшом вьетнамском кафе недалеко от моего дома, делились мыслями по текущим делам, строили научные планы, да что уж – могли и некоторым коллегам косточки перемыть. Не по всем вопросам мы были единомышленны, но Вадим Юрьевич, как мудрый отец, неизменно пытался выслушать и понять,

порой подшучивал и подтрунивал, но в этом не было ничего, кроме участия и доброты. Летом прошлого года кафе внезапно закрылось, и при каждой встрече Вадим Юрьевич непременно спрашивал, не открылось ли, но оказалось, что посидеть вдвоем уже будет не суждено. Осенью он ушел в плановый отпуск, следом я уехал на пару месяцев в Японию, а когда вернулся, Вадим Юрьевич уже болел.

Из Японии я привез ему свой последний подарок — книгу по истории российско-японских отношений в период царствования династии Романовых, на одной из страниц которой оказалась фотография Вадима Юрьевича в окружении коллег на ступенях Историографического института в Токио. Передать ее получилось только через детей Вадима Юрьевича, так что надеюсь, что он успел найти себя на страницах книги и улыбнуться.

Низкий Вам поклон и светлая память, дорогой и любимый учитель, Вадим Юрьевич!

*10 апреля 2024 года, Санкт-Петербург
Василий Щепкин*